

IRINA BAKLANOVA / ИРИНА БАКЛАНОВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4328-0973>

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Образ автора научного текста как предмет имагологии

The image of the author of a scientific text as a subject of imagology

Ключевые слова: научный текст, имплицитная информация, образ автора, коммуникативные намерения отправителя текста, типология точек зрения

KEYWORDS: scientific texts, implicatures, image of the author, author's intentions, points of view reflected in the text

ABSTRACT: The article discusses linguistic methods for determining the images of authors of scientific texts. The theoretical basis of the study is a typology of points of view reflected in the text. The research method consists in detecting implicatures in the content of the text and determining their relationship to the author's intentions. The image of the author is derived on the basis of the assessments, language means and the stated facts contained in the text. On the basis of implicatures, the content of which does not contradict the author's intentions, his intentional image is derived. In the presence of implicatures, which most likely do not correspond to the author's intentions, the perceptual image of the author is determined.

1. К постановке проблемы

В течение последнего столетия ученые-лингвисты неоднократно обращались к исследованию категории образа автора текста, которая впервые была затронута в начале XX века в работах В. В. Виноградова и М. М. Бахтина (Бахтин 1996; Виноградов 1971; 1980). Впоследствии на протяжении нескольких десятилетий объектом исследований ученых был образ автора художественного текста (Аругюнова 1988; ван Дейк 1989; Долинин 1985; Кухаренко 1988; Падучева 1996; Шмид 2003), однако к концу XX в. стало актуальным исследование прагматики нехудожественных текстов: мемуарных, публицистических, рекламных, научных и т. п. (Бакланова 2014; Каминская 2017; Kiklewicz 2014; 2015).

Вместе с тем в середине XX в. во Франции как раздел сравнительного литературоведения возникла имагология, изучающая образы «своего», «чужого» и «другого», а также искусственно сконструированные текстовые образы (Папилова 2011; Хорев 2000; Dyserinck 1982; Fischer 1979; 1983).

Представляется, что образы, изучаемые лингвистикой и имагологией, имеют ряд общих признаков: с одной стороны, намеренность создания образа, а с другой – особенности восприятия получателями этих образов (Бакланова 2004; 2014; 2016).

Цель данной статьи заключается в рассмотрении лингвистических способов выведения из научного текста имплицитно отраженного в нем образа автора.

Материалом для исследования послужили русскоязычные научные тексты известных советских ученых, написанные в XX веке; материал был отобран с соблюдением принципа сравнимости. (В ссылках на эти тексты в квадратных скобках дополнительно дается дата первой публикации текста; библиографические описания этих текстов содержатся в рубрике «Источники». Библиографические ссылки на научную литературу содержатся в рубрике «Библиография». Шрифтовые выделения в цитатах из научной литературы – мои).

2. Типология точек зрения наблюдателя как теоретическая база выведения образа автора из научного текста

В качестве теоретической базы выведения из научного текста имплицитно отраженного в нем образа его автора мы принимаем разработанную Б. А. Успенским на основе исследований В. В. Виноградова и М. М. Бахтина типологию точек зрения наблюдателя, с позиций которого ведется повествование (Успенский 1995).

Успенский выделил четыре аспекта текста, в которых могут получать отражение точки зрения наблюдателя: (1) план идеологии представляет собой оценочный уровень (Успенский 1995, 19); (2) на основании плана фразеологии «автор описывает разных героев различным языком или вообще использует в том или ином виде элементы чужой или замещенной речи при описании» (Успенский 1995, 30); (3) план пространственно-временной характеристики представляет собой отражение в тексте местонахождения в пространстве и во времени наблюдателя событий (Успенский 1995, 80); (4) план психологии передает отражение внутреннего состояния наблюдателя и его внешних проявлений (Успенский 1995, 108).

Представляется необходимым уточнение терминологии: применительно к нехудожественным текстам план идеологии удобнее обозначать термином план оценки, план фразеологии – термином план выбора языковых средств, план пространственно-временной характеристики называть планом фактуальной информации, а термин план психологии сохранить без изменения (Бакланова 2014). В силу того что для научного текста характерна установка

на объективность изложения, образ автора на основании плана психологии из научного текста, как правило, не выводится (Бакланова 2014).

Конкретизируя суть аспектов, позволяющих вывести из научного текста имплицитно отраженный образ его автора, можно сказать следующее. Формальным признаком плана оценки является возможность комментария «Автор оценивает X как P»: оценки, высказанные автором, несут информацию о системе его ценностей. Формальным признаком плана выбора языковых средств является возможность комментария «Для выражения смысла X автор использует языковую единицу Y»: выбранные автором языковые средства позволяют судить о некоторых сторонах его языковой личности: о характере используемой им лексики, о владении функциональными стилями языка, о владении иностранными языками, диалектными и региональными разновидностями языка и т. п. Формальным признаком плана фактуальной информации является возможность комментария «Автору известны лица A, B, C и события X, Y, Z»: изложенные автором факты позволяют судить о его знаниях и жизненных обстоятельствах.

3. Имплицитная информация как инструмент выведения из научного текста образа его автора

Как было показано ранее, инструментом выведения из научного текста образа его автора является имплицитная информация (Бакланова 2012; 2014). Образ автора отражается в тексте имплицитно и может быть выведен на основании интерпретации текста его получателем (Бакланова 2012; 2014; Долинин 1985; Кухаренко 1988; Каминская 2017; Федосюк 2012). Имплицитная информация может передавать

не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограниченную рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания (Арнольд 2010, 87).

На основании сказанного М. Ю. Федосюк сформулировал определение имплицитного содержания текста:

Имплицитное содержание – это такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения (Федосюк 2012, 159).

Подчеркнем, что имплицитная информация логически выводится из текста в результате взаимодействия эксплицитно выраженных языковых единиц текста с знаниями его получателя, а также с контекстом и ситуацией общения (Федосюк 2012). В этом отношении И. В. Арнольд считает, что получатель текста интерпретирует его, «синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте» (Арнольд 2010, 88).

При этом, как отмечает Федосюк, «имплицитное содержание может находиться в разных отношениях к коммуникативным намерениям отправителя текста, т. е. к тому содержанию, которое стремится передать этот отправитель» (Федосюк 2012, 159). С этой точки зрения для целей нашего исследования представляют интерес подтекстовое и притекстовое имплицитное содержание.

Подтекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, передача которого входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста. Подтекстовое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем (Федосюк 2012, 159).

Для иллюстрации сказанного Федосюк моделирует следующую ситуацию. Некто без всякой связи с предшествующим текстом сообщает своему собеседнику, что накануне «целый вечер проболтал по телефону с Аллой Пугачевой». Поскольку всякое высказывание имеет свою цель, можно предположить, что целью этого высказывания была передача подтекстового имплицитного содержания 'Я хорошо знаком с известной певицей' (Федосюк 2012, 159сл.).

Подтекстовое имплицитное содержание дает основание для выведения из текста того образа автора, который соответствует интенциям отправителя текста. Назовем его *интенциональным* образом автора (Бакланова 2004; 2014).

Притекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя. Рассматриваемое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не только не требуют его обязательного восприятия, но и не свидетельствуют о том, что такое восприятие входило в коммуникативные намерения отправителя (Федосюк 2012, 160).

Для иллюстрации сказанного Федосюк развивает смоделированную ситуацию, в которой происходит новый диалог:

А: Вчера целый вечер проболтал по телефону с Аллой Пугачевой.
Б: Как, а разве вчера вечером она была не на концерте?

Как видно, воспринимая реплику А., Б. вывел из нее имплицитное содержание 'Вчера вечером Алла Пугачева была свободна от работы'. Реплика А. действительно дает основания для такого вывода, хотя вряд ли передача именно этого смысла входила в его коммуникативные намерения (Федосюк 2012, 160).

Притекстовое имплицитное содержание лежит в основе того образа автора, который не соответствует коммуникативным намерениям отправителя текста и который читатель логически выводит из текста. Назовем его *перцептивным* образом автора (Бакланова 2004; 2014).

Выводя из текста интенциональный и перцептивный образы автора, важно учитывать следующее. Имплицитная информация базируется на знаниях получателя текста, а их знания, их индивидуальные особенности, а также исторический период, в который воспринимается текст, могут быть разными. В зависимости от этого результаты выведения имплицитной информации, совпадая в основных своих чертах, могут частично расходиться. Поэтому выведение имплицитной информации не может быть абсолютно объективным.

Следует добавить, что к перцептивному образу автора относится та имплицитная информация, которая, с точки зрения получателя, либо находится в противоречии с содержанием прочих компонентов воспринимаемого текста, либо не соответствует представлениям получателя о том, каким должно быть содержание текста данной тематики и какими следует быть этическим нормам, которых должен придерживаться отправитель текста. Если нет названных несоответствий, то перцептивный образ автора совпадает с интенциональным.

Кроме того, анализируя образ автора, следует иметь в виду, что он не тождествен образу конкретного автора. В. Шмид писал об этом:

Конкретный автор – «это реальная, историческая личность, создатель произведения. К самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него. Лев Толстой существовал бы, конечно же (хотя, наверное, не в нашем сознании), даже если бы он ни одной строки не написал» (2003, 41).

4. Интенциональный и перцептивный образы автора

4.1. Выведение образа автора на основе плана оценки

Проиллюстрируем процедуру выведения из научного текста интенционального и перцептивного образов автора с точки зрения плана оценки. Начнем со следующего примера:

Легко заметить, что рекомендуемые А. М. Пешковским приемы и принципы стилистического анализа литературного текста имеют мало общего с лингво-стилистическим анализом литературного произведения, опирающимся на марксистско-ленинскую методологию. А. М. Пешковского не интересует стиль как система художественного выражения мировоззрения. Он не видит социальной направленности стиля писателя. А. М. Пешковский подвергает анализу лишь внешние черты стиля произведения, отправляясь от звуковой его стороны – безотносительно к содержанию. Он изучает общие средства русского языка в их индивидуальном эстетическом использовании (Виноградов [1952] 1975, 486).

Из того, что в данном тексте критическая оценка работы Пешковского дается с точки зрения марксистско-ленинской методологии, вытекает, что в образ автора, выводимый из анализируемого текста, входит информация о намерении автора заявить о себе как о принципиальном, компетентном исследователе-марксисте, находящемся в русле современных ему науки и политики. Это интенциональный образ автора.

В то же время, поскольку в сознание современных читателей входит представление о том, что научное исследование не предполагает политической оценки его автора, из текста логически вытекает перцептивный образ автора как человека, стремившегося продемонстрировать свою лояльность господствовавшей власти вопреки этическим установкам науки.

Обратимся к следующему примеру.

Балли впал в антиисторизм. Он призывал при научном рассмотрении лексических единиц языка в его современном состоянии в “стилифике” – не только в преподавании и изучении иностранных языков – “не давать воли этимологическому инстинкту”, “бороться с ним”, “вести с ним ожесточенную борьбу”, т. е. не считаться с этимологией слов, с историческими связями между значениями слов и рассматривать разные значения слов как разные слова, что и привело его к мысли о двух разрядах омонимов, “этимологических”, – таких, как *соу* ‘шея’, *соур* ‘удар’, или *savons* ‘знаем’ и *savon* ‘мыло’, и “семантических”, таких, как значения глагола *décliner* ‘отклонить’ и ‘склонять’ (слово) или существительного *point* ‘точка’ и ‘пункт’» (Аничков [1957] 1997, 276).

Отрицательная оценка автором антиисторического подхода в работах Ш. Балли порождает импликации о том, что автор считает историзм важным принципом лингвистических исследований любой тематики. Это составляет интенциональный образ автора.

Поскольку традиционное для российской лингвистики представление о необходимости исторического подхода к любым языковым явлениям соответствует принципам современного, постструктуралистского этапа развития

лингвистики, для большинства читателей нынешнего времени перцептивный образ автора, выводимый из данного текста, полностью соответствует интенциональному.

4.2. Выведение образа автора на основе плана выбора языковых средств

Деборинщина в философии, рубинщина в политической экономии, переверзевщина в литературоведении и др. с достаточной ясностью показывают нам, что классовая борьба в науке не “утихает”, наоборот, в связи с решительным наступлением на остатки капиталистических элементов в стране она обостряется» (Филин [1932] 2001, 115).

Использование в данном тексте отрицательно-оценочных слов, образованных от фамилий известных ученых с помощью суффикса – *щин(а)*: философа А. М. Деборина, экономиста И. И. Рубина и литературоведа В. Ф. Переверзева – дает основания для вывода импликаций о том, что автор испытывает негативные эмоции по отношению к ученым и их деятельности. Как уже было сказано выше, в эпоху создания текста грубая негативная политическая оценка коллег была необходимым условием научного исследования. Таким образом, в интенциональный образ автора, выводимый из анализируемого текста, входит информация о намерении автора заявить о себе как о принципиальном исследователе, находящемся в русле современных ему политических идей.

Представление читателей нашего времени о неприемлемости употребления в научных текстах эмоционально-оценочных слов, а также отрицательных оценок ученых с идеологической точки зрения порождает перцептивный образ автора как человека, стремившегося продемонстрировать свою лояльность господствовавшей власти вопреки современным этическим установкам науки.

Рассмотрим еще один пример.

Nihil est in dicendo, quod non inhaereat grammaticae vel hominum action. Nihil est in grammatica, quod non fuerit in dicto (Эпиграф к статье (Щерба [1931] 1974: 24)).

Использование автором текста в качестве эпиграфа латинского изречения (‘Ничто не произносится, что не было бы заложено в человеческом действии. Ничего нет в грамматике, чего не было бы в речи’) свидетельствует о стремлении автора логично и красиво организовать свой текст и быть интересным получателю текста. Это интенциональный образ автора.

Однако данное латинское изречение представляет собой перефразированный вариант основного тезиса сенсуализма, сформулированного Дж. Локком,

– «Nihil est in intellectu, quod non prius fuërit in sensu» (‘Нет ничего в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях’) (Philologia Classica 2020), что дает основания осведомленному получателю текста предполагать, что автор не только владеет латинским языком, но и является эрудированным человеком, свободно владеющим крылатыми латинскими изречениями. Из сказанного вытекает перцептивный образ автора: автор обладает широкими кругозором и эрудицией, а также владеет навыком наполнения новым содержанием латинских изречений.

4.3. Выведение образа автора на основе плана фактуальной информации

Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде “Cours de linguistique generale” de Saussure’a [...], то были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями. Различения языка, как системы, и языка, как деятельности (“lanque” и “parole” de Saussuru’a), не такое четкое и развитое, как у Соссюра, свойственно и Бодуэну» (Щерба [1929] 1957, 94).

Интенциональный образ автора: автор прочитал книгу Фердинанда де Соссюра еще до ее перевода на русский язык и хорошо знал теорию Бодуэна де Куртенэ.

Перцептивный образ автора: автор владел французским языком, жил в Ленинграде и был сторонником концепции Бодуэна де Куртенэ.

5. Выводы

Теоретической базой выведения образа автора являются высказанные им оценки, выбранные языковые средства и описываемые факты, которые несут информацию о принципах автора, о разных сторонах его языковой личности и кругозоре.

Инструментом сведений об образе автора научного текста является имплицитное содержание текста, входящее и не входящее в коммуникативные намерения автора, которое выводится из текста в результате сопоставления эксплицитно выраженных языковых единиц текста со знаниями его получателя, с контекстом и ситуацией общения.

На основании имплицитной информации, входящей в коммуникативные намерения автора, отправитель текста может формировать образ, имплицитно отражающийся в научном тексте (интенциональный образ автора); из имплицитной информации, не входящей в коммуникативные намерения автора, получатель текста может извлекать информацию, не совпадающую с интенциями автора (перцептивный образ автора).

Библиография

- Аничков, И. Е. (1997), Труды по языкознанию. Москва.
- Арнольд, И. В. (2010), Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (1988), Прагматика и проблемы интенциональности. Москва.
- БАКЛАНОВА, И. И. (2004), Образ автора мемуарного текста: интенции мемуариста и восприятие читателя. В: Szepielewicz, L. (red.), Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 555-562.
- БАКЛАНОВА, И. И. (2012), Современные тенденции в лингвопрагматике: исследование образа автора нехудожественного текста. W: Szepielewicz, L. (red.), Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 207-210.
- БАКЛАНОВА, И. И. (2014), Образ автора и образ адресата нехудожественного текста. Москва.
- БАКЛАНОВА, И. И. (2016), Речевые проявления образа «своего» и «чужого» адресата в публицистическом тексте. В: Acta Slavica Estonica, 8, 25-38.
- БАХТИН, М. М. (1996), Собрание сочинений в 7 томах. Том 5-й. Москва.
- ван Дейк, Т. А. (1989), Язык. Познание. Коммуникация. Москва.
- Виноградов, В. В. (1971), О теории художественной речи. Москва.
- Виноградов, В. В. (1975), Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва.
- Виноградов, В. В. (1980), О языке художественной прозы. Москва.
- Долинин, К. А. (1983), Имплицитное содержание высказывания. В: Вопросы языкознания, 6, 37-47.
- Долинин, К. А. (1985), Интерпретация текста: Французский язык. Москва.
- КАМИНСКАЯ, Т. Л. (2017), Экспликация ценностей в российском медиадискурсе: колумнист и адресат. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/2, 367-375.
- Кухаренко, В. А. (1988), Интерпретация текста. Москва.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1996), Семантические исследования. Москва.
- ПАПИЛОВА, Е. В. (2011), Имагология как гуманитарная дисциплина. В: Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки, 4, 31-40.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (1995), Семиотика искусства. Москва.
- ФЕДОСЮК, М. Ю. (2012), Синтаксис современного русского языка. Москва.
- Филин, Ф. П. (2001), Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкфронт». В: Нерознак, В. П./ Базылев, В. Н. (ред.), Сумерки лингвистики. Москва, 115-133.
- ХОРЕВ, В. А. (2000), Имагология и изучение русско-польских литературных связей. В: Хорев, В. А. (ред.), Поляки и русские в глазах друг друга. Москва, 22-32.
- ШМИД, В. (2003), Нарратология. Москва.
- ЩЕРБА, Л. В. (1957), Избранные работы по русскому языку. Москва.
- ЩЕРБА, Л. В. (1974), Языковая система и речевая деятельность, Ленинград.
- DYSERINCK, H. (1982), Komparatistische Imagologie jenseits von "Werkimmanenz" und "Werktranszendenz". In: Synthesis. Bulletin de comité de littérature compare de la république socialiste de Roumanie. 9, 27-40.
- Philologia Classica (2020), <https://www.graecolatini.by/htm-proverbs/proverbs-latin-philosophers-ru.htm> [accessed 28 IV 2020].
- FISCHER, M. (1979), Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotyper Systeme. In: Zeitschrift für Sozialpsychologie. 10/1, 30-44.
- FISCHER, M. (1983), Literarische Seinweise und politische Funktion nationenbezogener Images. Ein Beitrag zur Theorie der komparatistischen Imagologie. In: Szabolcsi, M./Vajda, G. M. (eds), Neohelicon. Acta comparationis litterarum. Vol. X. Budapest, 251-274.
- KIKLEWICZ, A. (2014), О коммуникативно-прагматических аспектах многозначности. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. V/2, 225-241.
- KIKLEWICZ, A. (2015), Политическая пропаганда в современных российских СМИ: эпистемологический аспект. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 179-199.

